

Он никак не должен был доехать до 1950-х. Белый, вражина, первопоходник. Ледяной поход 1918 года. Воевал в Добровольческой армии, отчего всю жизнь тряслись руки (контузия, тремор). Штурмовал красных в Екатеринодаре. Мог быть взят в 1930-е, как другие пишущие, в Ленинграде, в доме писателей на канале Грибоедова, 9. Но не был взят. Обязан был погибнуть в блокаде Ленинграда. Не хотел уезжать. Но очнулся в теплейшем Сталинабаде (Душанбе). Крещеный еврей - обязан был стать космополитом. Но не стал. Обруган, но не забран.



## Слабость

Это он о себе: выдаю "внимательному наблюдателю главное свое свойство - слабость". Это о себе: "слабость: желание ладить со всеми. Под этим кроется вторая, основная: страх боли, жажда спокойствия, равновесия, неподвижности".

Это он, написавший "Дракона", пьесу, немедленно снятую после показа в Москве в 1944 году. Она вновь пришла в мир только после смерти автора.

"Я же их, любезный мой, лично покалечил... Человеческие души, любезный, очень живучи. Разрубишь тело пополам - человек околеет. А душу разорвешь - станет послушной, и только. Нет, нет, таких душ нигде не подберешь. Только в моем городе. Безрукие души, безногие души, глухонемые души, цепные души, легавые души, окаянные души. Знаешь, почему бургомистр притворяется душевнобольным? Чтобы скрыть, что у него и вовсе нет души. Дырявые души, продажные души, прожженные души, мертвые души"<sup>1</sup>.

Как он пробрался через 1930-е - 1940-е годы, чтобы от сердца умереть в постели? Как обошел случайности, чтобы уцелеть? В какой прогалине случилось так, что самое чистое зерно осталось на столе, когда все зерно смахнули со стола?

Это ведь он пишет в 1937 году:

"Начиная с весны разразилась гроза, и пошла все кругом крушить, и невозможно было понять, кого убьет следующий удар молнии. И никто не убежал и не прятался. Человек, знающий за собой вину, понимает, как вести себя: уголовник добывает подложный паспорт, бежит в другой город. А будущие враги народа, не двигаясь, ждали удара страшной антихристовой печати. Они чуяли кровь, как быки на бойне, чуяли, что печать "враг народа" пришибает всех без отбора, любого, - и стояли на месте, покорно, как быки, подставляя голову. Как бежать, не зная за

собой вины? Как держаться на допросах? И люди гибли, как в бреду, признаваясь в неслыханных преступлениях: в шпионаже, в диверсиях, в терроре, во вредительстве. И исчезали без следа, а за ними высылали жен и детей, целые семьи. Нет, этого еще никто не переживал за всю свою жизнь, никто не засыпал и не просыпался с чувством невиданной, ни на что не похожей беды, обрушившейся на страну. Нет ничего более косного, чем быт. Мы жили внешне как прежде. Устраивались вечера в Доме писателей. Мы ели и пили. И смеялись. По рабскому положению, смеялись и над бедой всеобщей - а что мы еще могли сделать? Любовь оставалась любовью, жизнь жизнью, но каждый миг был пропитан ужасом. И угрозой позора. Наш Котов (комендант дома) совсем замер, будто часовой на карауле при арестованных или обреченных аресту, - в конце концов, разница была только в сроках. Он отворачивался при встречах, словно боясь унижить себя общением с жильцами - врагами...

### ***В Майкопе появится маршрут по местам драматурга Евгения Шварца***

Затем пронеслись зловещие слухи о том, что замерший в суровости своей комендант надстройки тайно собрал домработниц и объяснил им, какую опасность для государства представляют их наниматели. Тем, кто успешно разоблачит врагов, обещал Котов будто бы постоянную прописку и комнату в освободившейся квартире. Было это или не было, но все домработницы передавали друг другу историю о счастливицах, уже получивших за свои заслуги жилплощадь. И каждый день узнавали мы об исчезновении"<sup>2</sup>.

Он не узнал о своем исчезновении. Он и не исчезал.

### **Сила**

Это может быть случайностью в стотысячных долях. Или не определенными сейчас свойствами характера. Когда прошли первые холода, в саду все равно остается еще что-то, в чем есть движение, потому что этой пропасти холода невозможно исчерпать все.

Или же все-таки есть сила, которой он отодвигал от себя нелюбовь, ненависть, невыносимость бытия, саму возможность не быть?

Природа этой силы неизвестна, и никто не знает, есть ли она, называясь силой духа, или присутствием духа, или просто духом, удерживающим угрозы и их чудовищные тела на расстоянии.

Возможно, эта сила есть, потому что уцелеть ему было невозможно.

### ***Почему у Зощенко пять комнат, а у Шварца одна***

Но как же замечательно, что он был, что он долго был с нами и в его руках было перо! С какой человечностью он писал и как легко можно его слова заучивать наизусть!

"Дон Кихот. Привет вам, друзья мои! Нет ли в замке несчастных, угнетенных, несправедливо осужденных или невольников? Прикажите - и я восстановлю справедливость!"<sup>3</sup>

Мы вас слышим, Евгений Шварц! Быть за несчастных, быть за всех, жить по справедливости - так стоит жить.

Или:

"Дон Кихот (лежа на полу). Не верю!.. Я вижу, вижу - вы отличные люди.

Он поднимается и идет.

Дон Кихот. Я вижу, вижу - вы отличные, благородные люди, и я горячо...

Хитро укрепленный кувшин с ледяной водой опрокидывается, задетый рыцарем, и обливает его с головы до ног.

Дон Кихот (упавшим голосом). Я горячо люблю вас. Это самый трудный рыцарский подвиг - увидеть человеческие лица под масками... но я увижу, увижу! Я поднимусь выше...

Люк открывается под ногами рыцаря, и он проваливается в подвал. Наверху полное ликование, доходящее до безумия".<sup>4</sup>

Видеть человеческие лица под масками, проваливаясь в подвал: даже мысленно испытать это на себе - уже урок человечности. Не желай другому того, что не желаешь себе. Не отступай от этого, что бы ни случилось. Помни, что под масками - человеческие лица. Пожалуйста, удержи это в себе!

Или:

"Сеньор, послушайте человека, имеющего ученую степень! Времена странствующего рыцарства исчезли, прошли, умерли, выдохлись! Пришло новое время, сеньор! Новое! Тысяча шестьсот пятый год! Шутка сказать!

Дон Кихот. И в этом году, как и в прошлом, и в позапрошлом, как сто лет назад, несчастные зовут на помощь, а счастливые зажимают уши. И только мы, странствующие рыцари...

...А сколько вас?

Дон Кихот. Не мое дело считать! Мое дело - сражаться!"<sup>5</sup>



---

### **Честь**

И ведь правда - сражаться за честь, за справедливость, делать то, что должно. Есть честь, есть желание, есть слова, которые должны запасть в души! Каждые времена должны быть лучше других, но разве это закон? Мы ничем не лучше тех, кто жил, мы так же громко зовем на помощь, ожидая помощи, сострадания и, ради нас всех, - любви.

Опять Шварц:

"Одни люди идут по дороге выгоды и расчета. Порицал ты их? Другие - по путям рабского ласкательства. Изгонял ты их? Третьи - лицемерят и притворяются. Обличал ты их? И вот встретил меня, тут-то тебя и прорвало? Вот где ты порицаешь, изгоняешь, обличаешь. Я мстил за обиженных, дрался за справедливость, карал дерзость, а ты гонишь меня домой подсчитывать доходы, которых я не имею. Будь осторожен..! Я презрел блага мирские, но не честь!"<sup>6</sup>

Как легко сказать, что это проповеди пустые, никчемные, что наша жизнь устроена иначе, что бытие - другое. Но есть еще один выбор - вспомнить, какими мы мечтали быть, и сказать себе, в насмешку или всерьез, вслед за сказочником:



С родителями Марией Федоровной и Львом Борисовичем и младшим братом Валентином. Майкоп. 1917 год.

"Сражаясь неустанно, доживем, доживем мы с тобою... до золотого века. Обман, коварство и лукавство не посмеют примешиваться к правде и откровенности. Мир, дружба и согласие воцарятся на всем свете. Вперед, вперед, ни шагу назад!"<sup>7</sup>.

Глупо? Нельзя? Смешно?

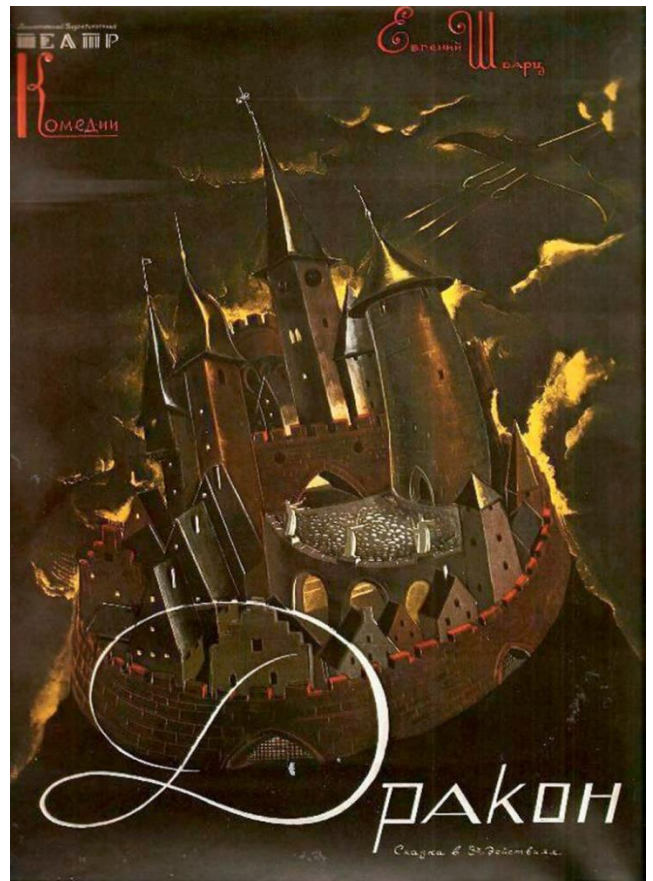
Но так ли это смешно?

Есть дневники Шварца - и в них его прямая, не сказочная речь. Вот что он спрашивал у самого себя в 1950-х, незадолго до того, как ушел - навсегда:

"Дал ли я кому-нибудь счастье? Не поймешь. Я отдавал себя. Как будто ничего не требуя, целиком, но этим самым связывал и требовал. Правилами игры, о которых я не говорил, но которые сами собой подразумеваются в человеческом обществе... Я думал, что главные несчастья приносят в мир люди сильные, но, увы, и от правил и законов, установленных слабыми, жизнь тускнеет. И пользуются этими законами как раз люди сильные для того, чтобы загнать слабых окончательно в угол. Дал ли я кому-нибудь счастье? Пойди разберись за той границей человеческой жизни, где слов нет, одни волны ходят"<sup>8</sup>.



Афиша спектакля "Тень"



Афиша спектакля "Дракон"

## Счастье

Он дал нам счастье. Когда читаешь его, когда то смеешься, то воешь, то плачешь, когда приходишь в восхищение от того, что язык человеческий, язык русский может звучать именно так, как у него, мы знаем - он дал нам счастье. И еще он дал нам ощущение, оно - твердое, оно есть - в том, что можно жить со всем достоинством и дарить счастье в самые поворотные времена.

Его хочется слушать еще и еще. Пусть он скажет - нет, не проповедь, но именно сам, своими словами, своим голосом, не скрытым за ширмой героя. Пусть он встретится с нами, пусть заочно, - мы не можем его коснуться, - но это будет его прямая речь...

Внимание, лучше замолкнуть, тишина, разве что скрипнет чей-то стул, мы начинаем слушать.

"Я не боялся смерти, потому что не верил, что могу умереть"[9]. Но разве он умер? Из его записок, из его дневников, со страниц его пьес доносится до нас живой человеческий голос, всегда приподнятый, всегда пытающийся сказать о том, что гораздо выше нас. Вы можете никогда не видеть его, портреты - это ни о чем, вы можете никогда не услышать его голос, есть ведь записи, но этот голос, чуткий, невероятно теплый будет сопровождать вас, как только вы откроете хотя бы одну его страницу. Голос этот, и все, что он хотел бы нам передать - это ощущение жизни как теплоты, как потока событий, как предвкушения того, что вот-вот произойдет то, что превосходит любые ожидания.

Быть в жизни как в наслаждении - это и есть Шварц.

"Что будет? Не знаю. Если сохраню бессмысленную радость бытия, умение бессмысленно радоваться и восхищаться - жить можно. Сегодня проснулся с ощущением счастья"<sup>10</sup>.

Постойте, на минуту приостановимся - проснуться с ощущением счастья? Не ежедневных забот, не с тяжестью на душе, не с припоминанием того, что не так - вместо этого счастье, не имеющее ограничений, ничем не затуманенное пространство жизни и делания всего, что хочешь, что можешь, чему радуешься.

Как бы это устроить? Как бы так решить, что завтра непременно проснуться с ощущением счастья? Заставить себя - испытать счастье, не думать ни о чем.

А вот еще - не комки слов, а голос, целый, большой, ясный голос, похоже на заповеди, голос Шварца - если бы еще закрыть глаза и увидеть его самого.



Сцена из спектакля "Тень" в постановке режиссера П. Хомского на сцене Московского театра юного зрителя. Фото: ТАСС

## Заповеди

### ***Заповеди "святого человека", которого провожали в последний путь 20 тысяч москвичей***

**А.** "Все на свете интересно"<sup>11</sup>. Попробуйте себе это сказать в любое свое время. Только попробуйте - совсем другая жизнь.

**Б.** "Я не чувствую возраста, как, впрочем, и всегда... Некогда"<sup>12</sup>. Нам нужно это не сказать - нужно сделать.

**В.** "Я никого не предал, не клеветал, даже в самые трудные годы выгораживал, как мог, попавших в беду. Но это значок второй степени и только. Это не подвиг"<sup>13</sup>. Попробуйте сказать себе это в 1937 или 1946 году! Попробуйте сказать, когда тебя гонят на собрания, где ты должен речь держать! "Столько общих собраний с человеческими жертвами пережито"<sup>14</sup>.

**Г.** "Сохранить чистый белый балахон"<sup>15</sup>. Пройти через двадцатый век - и сохранить? Может ли это быть? И как может быть в веке двадцать первом? Мы можем только повторять, хоть до умопомрачения: "Сохранить свой белый балахон!". Сохранить во что бы то ни стало.

**Д.** "Как быть. Человек ждет событий, ясно выраженных указаний, чистого цвета и полного счастья. Начитанный, мечтательный человек!

Все в мире замечательно и великолепно перепутано. Это же форменная ткань. Это такой ковер, что хоть плачь. Но начитанный и мечтательный человек обижается, ловит мир на противоречиях, устает от сложностей и засыпает. Он плюет на этот ковер. Он себе его не так представлял. Он вообще не верит, что на свете есть вещи, достойные внимания, то есть ясно выраженные.

Но они есть, о мечтательный человек! Правда, концы и начала замечательных вещей прячутся в серединах и продолжениях других замечательных вещей. Правда, очень легко человеку сбиться, но есть один чудесный способ не сбиваться. Я продам тебе этот способ, о мечтательный человек. На, бери его. Вот он: смотри"<sup>16</sup>.



Редакция Детского отдела ГИЗа (слева направо): Н. Олейников, В. Лебедев, З. Лилина, С. Маршак, Е. Шварц. 1926 год.

**Е.** "Смотри. Смотри. Вот и все. Смотри - и все. Смотри, даже когда хочется щуриться. Смотри, даже когда обидно. Смотри, даже когда непохоже. Помни - мир не бывает не прав. То, что есть, то есть. Даже если ты ненавидишь нечто в мире и хочешь это нечто уничтожить - смотри. Иначе ты не уничтожишь. Вот. Понятно?"<sup>17</sup>.

**Ж.** "Что нужно делать 1) Все нужно делать... 2) Мир перепутан... Если ты попробуешь быть всем - ты все поймешь, перестанешь удивляться, пугаться, удирать... 3) Итак: оставаясь собой - тарачи глаза на мир, будто видишь его первый раз. Угадывай течения и линии в великолепном мировом клубке. Записывай. И никому не верь! ...Тогда (возвращаясь к пункту 1) - делай все. И во всем у тебя будут отклики великих пространств! Бесконечных времен!"<sup>18</sup>

Как вам? Мне хочется жить, дышать, двигаться бесконечно, делать все, перемещаться куда угодно, с полной свободой, с самой невероятной силой своего бытия!

**З.** Счастье - это все. Оно испытано им 17 июня 1946 года. Ему почти 50 лет, между нами сейчас и им - 77 лет. Счастье передано нам с огромной силой. "Ехал домой как бы набитый целым рядом самых разных ощущений и впечатлений... Странное, давно не испытанное с такой силой ощущение счастья. Пробую написать стихотворение "Бессмысленная радость бытия"<sup>19</sup>.

Вот оно<sup>20</sup>:

- "Бессмысленная радость бытия.
- Иду по улице с поднятой головой.
- И, щурясь, вижу и не вижу я
- Толпу, дома и сквер с кустами и травой.
- Я вынужден поверить, что умру.
- И я спокойно и достойно представляю,
- Как нагло входит смерть в мою нору,
- Как сиротеет стол, как я без жалоб погибаю.
- Нет. Весь я не умру. Лечу, лечу.
- Меня тревожит солнце в три обхвата
- И тень оранжевая. Нет, здесь быть я не хочу
- Домой хочу. Туда, где я бывал когда-то.
- И через мир чужой врываюсь я
- В знакомый лес с березами, дубами,
- И, отдохнув, я пью ожившими губами
- Божественную радость бытия".

**P.S.** Бессмысленная, божественная радость бытия. Немного заповедей человека в чистом белом балахоне. Его мечтательные, восхитительные тексты.

Кажется, что с ним можно полетать. Вернуться в жизнь, в которой хочется всего - видеть, быть, наслаждаться, ощущать и кожей, и душой каждый день, Спасать мир. Спасать детей в нем.

Жизнь, которая сама по себе утешение, та, что способна утолить все наши печали, просто тем, что она есть.



Композиция "Золушкина туфелька" в центральном парке Майкопа.

- 1. Шварц Е. Дракон // Е. Шварц. Бессмысленная радость бытия. Дневники. Произведения 30-40-х годов. Письма. М.: Корона-Принт, 1999. С. 438-439.
  - 2. Там же. С. 215-216.
  - 3. Шварц Е. Дон-Кихот // Собр. соч. в 5 т. Т. 5. М.: Книжный клуб Книговек, С. 115.
  - 4. Там же. С. 121.
  - 5. Там же. С. 128.
  - 6. Там же. С. 139.
  - 7. Там же. С. 161.
  - 8. Шварц Е. Страницы из дневников // Собр. соч. в 5 т. Т. 4. М.: Книжный клуб Книговек, С. 343-344.
  - 9. Шварц Е. Из записок 1957 г. // Собр. соч. в 5 т. Т. 4. М.: Книжный клуб Книговек, С. 238.
  - 10. Шварц Е. Живу беспокойно... Из дневников. Л-д.: Советский писатель. Ленинградское отделение, 1990. С. 22.
  - 11. Шварц Е. Мемуары. Paris: La Presse Libre, 1982. С. 186.
  - 12. Шварц Е. Из "Телефонной книжки" // Собр. соч. в 5 т. Т. 5. М.: Книжный клуб Книговек, С. 381.
  - 13. Шварц Е. Страницы из дневников // Собр. соч. в 5 т. Т. 4. М.: Книжный клуб Книговек, С. 343.
  - 14. Шварц Е. Из "Телефонной книжки" // Собр. соч. в 5 т. Т. 5. М.: Книжный клуб Книговек, С. 381.
  - 15. Шварц Е. Страницы из дневников // Собр. соч. в 5 т. Т. 4. М.: Книжный клуб Книговек, С. 324.
  - 16. Шварц Е. Мемуары. Paris: La Presse Libre, 1982. С. 188.
  - 17. Там же. С. 188-189.
  - 18. Там же. С. 189-190.
  - 19. Шварц Е. Страницы из дневников // Собр. соч. в 5 т. Т. 4. М.: Книжный клуб Книговек, С. 279.
  - 20. Там же. Приложения. С. 362-363.
-